

ИСТОРИЯ ПИСЬМА

DOI: 10.31857/S086919080002865-8

РАЗВИТИЕ АНАТОЛИЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ
В КОНТЕКСТЕ ХЕТТСКО-ЛУВИЙСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

© 2018

И. С. ЯКУБОВИЧ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7576-7930>;
sogdiana783@gmail.com

Резюме: Империя Хаттусы (часто именуемая Хеттским царством в более ранних работах) располагалась на территории современной Турции и северной Сирии и достигла наивысшего могущества в XIV–XIII вв. до н.э. Особенностью языковой ситуации в империи Хаттусы, являлось одновременное употребление двух систем письма – клинописи и анатолийских иероглифов (также именуемых хеттскими, или лувийскими, иероглифами в более ранних публикациях). В противовес ряду гипотез о развитии системы анатолийских иероглифов на периферии Малой Азии, в среде носителей лувийского языка, в статье отстаивается тезис об эволюции данной системы письма в самой Хаттусе, в двуязычном хеттско-лувийском окружении. В основе методологии исследования лежит, с одной стороны, стратификация дошедших до нас памятников анатолийской иероглифики, а с другой – анализ акрофонических дериваций, лежащих в основе значений анатолийских силлабограмм. В заключительной части статьи обсуждаются причины, которые могли побудить правителей Хаттусы употреблять и совершенствовать анатолийские иероглифы при наличии уже разработанной клинописной системы письма. Делается вывод о том, что в основе такой политики лежали попытки культурного самоутверждения на фоне более развитой письменной традиции древней Месопотамии.

Ключевые слова: Империя Хаттусы, хеттский язык, лувийский язык, клинопись, анатолийские иероглифы, акрофонический анализ.

Для цитирования: Якубович И. С. Развитие анатолийских иероглифов в контексте хеттско-лувийского двуязычия. *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 22–34. DOI: 10.31857/S086919080002865-8

Благодарность: Я благодарен Т. В. Корниенко за приглашение принять участие в круглом столе «Проблемы археологии и истории Ближнего Востока» в Воронежском государственном педагогическом университете, где был представлен доклад на данную тему, а также В. Л. Цукановой за проделанную работу по подготовке статьи к печати.

THE DEVELOPMENT OF ANATOLIAN HIEROGLYPHS
IN THE CONTEXT OF HITTITE-LUWIAN BILINGUALISM

Ilya S. YAKUBOVICH

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7576-7930>;
sogdiana783@gmail.com

Abstract: The Empire of Hattusa (frequently referred to as the Hittite Empire in earlier literature) was situated on the territory of present-day Turkey and northern Syria and saw its heyday in the four-

teenth and thirteenth centuries BCE. A peculiarity of the sociolinguistic situation in the Empire of Hattusa was the simultaneous use of two writing systems: the cuneiform and the Anatolian hieroglyphs (also called Hittite or Luwian hieroglyphs in earlier publications). Contrary to a number of hypotheses about the development of Anatolian hieroglyphs on the periphery of Asia Minor, among the Luwian native speakers, this paper strives to demonstrate that its evolution took place in Hattusa, in the bilingual Hittite and Luwian environment. The research methodology consists, on the one hand, of the stratification of the available Anatolian hieroglyphic inscriptions and, on the other hand, of studying acrophonic derivations underlying the values of Anatolian syllabograms. The final part of the paper addresses the causes that could motivate the rulers of Hattusa to deploy and develop the system of Anatolian hieroglyphs, even though the cuneiform script was already available. The author concludes that this policy was an attempt at cultural self-assertion against the background of the more developed written tradition of Ancient Mesopotamia.

Keywords: Empire of Hattusa, Hittite, Luwian, Anatolian hieroglyphs, acrophonic analysis.

For citation: Yakubovich I.S. The development of Anatolian hieroglyphs in the context of Hittite-Luwian bilingualism. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 6. Pp. С. 22–34. DOI: 10.31857/S086919080002865-8

Acknowledgements: Acknowledgments: I am grateful to Tatyana Kornienko, who invited me to participate in the round table “Problems of the Near Eastern Archaeology and history” where I presented a talk on the topic of this paper. I am also much obliged to Vera Tsukanova, who took pains to assist me in the preparation of this paper for publication.

Анатолийское иероглифическое письмо представляет собой смешанную слоговую и логографическую систему¹, которая детально проанализирована на синхронном уровне в работе [Hawkins, 2003]. Известно, что письмо использовалось для монументальных надписей в империи Хаттусы позднего бронзового века и в постхеттских государствах начала железного века, а также для писем и административных документов в постхеттский период. Обозначение «хеттские иероглифы» широко использовалось в конце XIX – начале XX в. и все еще употребляется, пусть и довольно редко, в научной литературе. Однако в процессе дешифровки письма стало постепенно понятно, что оно использовалось в основном не для записи хеттского/неситского языка (основного языка клинописных архивов Хаттусы), а для фиксации лувийского языка. С точки зрения исследователей, рассматривавших лувийский как провинциальный язык, использовавшийся в отдельных периферийных областях хеттского государства, иероглифический шрифт должен был быть привнесен в Хаттусу извне. Так, Х. Г. Гютербок [Güterbock, 1956, S. 518] отвечал на вопрос, «кем и для какого языка было создано иероглифическое письмо», следующим образом: «Лувийцами, для лувийского языка, на лувийских территориях».

Другие исследователи лувийского языка выдвинули более конкретные, хотя и взаимоисключающие гипотезы, касающиеся прародины анатолийских иероглифов. Так, Дж. Д. Хокинс [Hawkins, 1986, p. 374] писал: «Эгейские связи анатолийского иероглифического письма явно свидетельствуют о его западноанатолийском происхождении, а не о центрально-восточном, где с начала 2-го тыс. до н.э. ощущалось влияние клинописного письма». С другой стороны, Г. Нойманн [Neumann, 1992, p. 26, n. 1] предполагал: «Как место возникновения [анатолийских иероглифов], в первую очередь, приходит на

¹ Первоначальная версия данной работы была опубликована в развернутом виде на английском языке [Yakubovich 2008]. За время, истекшее после публикации данной статьи, гипотеза об изобретении анатолийских иероглифов в смешанной хетто-лувийской среде уже успела получить широкую поддержку специалистов. См., в частности [Weeden, 2011, p. 28, Hawkins, 2013, p. 5–6]. Единственная известная мне публикация, которая полностью отвергает данную гипотезу, – это [Oreshko, 2013]. О позиции В. Вааль см. ниже в данном разделе. Детальный анализ происхождения анатолийских иероглифов публикуется на русском языке впервые.

ум город, являющийся одновременно важным политическим и торговым центром (гаванью?) В качестве ареала, где могло возникнуть это письмо, лучше всего подходит Киликия».

Данный вопрос, однако, может быть пересмотрен в свете недавних открытий, касающихся понимания социолингвистической ситуации в Хатгусе. Понимание того, что там наряду с хеттским говорили и на лувийском языке (по крайней мере, с XIV в. до н.э. и, вероятно, даже раньше) увеличивает вероятность формирования анатолийского иероглифического письма в смешанном хетто-лувийском окружении. В дальнейшем я постараюсь развить данную гипотезу, привлекая внешние свидетельства, а именно информацию, касающуюся жанров и датировки первых иероглифических надписей, и внутренние свидетельства, то есть анализ акрофонической деривации, давшей силлабические значения отдельных анатолийских знаков.

Развитие анатолийского иероглифического письма представляло собой длительный процесс. Стадия 1 представлена пиктограммами на анатолийских цилиндрических печатях периода ассирийских факторий (XX–XVIII вв. до н.э.), некоторые из которых внешне напоминают более поздние анатолийские знаки. Так, А. Мутон [Mouton, 2002] убедительно показывает связь изображений оленя и молнии, появляющихся на анатолийской глиптике, с богом-защитником и богом грома. Позднее оба знака развились в логографические репрезентации соответствующих божеств. Можно также предполагать формальную связь между некоторыми элементами глиптической иконографии, имеющими неясные синхронные ассоциации, и более поздними иероглифическими знаками. А. Мутон, например, рассматривает связь между «жезлом с шариками», появляющимся рядом с изображениями божеств и людей на цилиндрических печатях из Анатолии и Месопотамии начала 2-го тыс. до н.э., и иероглифическим знаком *153 <nu>, хотя об исходном иконографическом значении данного мотива остается только догадываться². Тем не менее едва ли стоит рассматривать пиктографический инвентарь «каппадокийской» глиптики как замкнутую семиотическую систему, поскольку не удастся обнаружить прямую связь между функцией печатей и их иконографией³.

Иная перспектива на развитие иероглифического письма на Стадии 1 представлена в недавней работе [Waal, 2012]. Автор указывает на категорию не дошедших до нас документов, обозначаемых термином *işurtum* в староассирийских текстах и упоминаемых в контексте делового взаимодействия с туземным населением Анатолии. Она также подчеркивает связь данной лексемы с аккадограммой *UŞURTUM*, употреблявшейся в хеттских текстах наряду с шумерограммой *GIŠ.HUR* для обозначения определенной категории документов – вероятно, деревянных табличек. Из этого делается вывод о преемственности между письменной культурой анатолийцев в период ассирийских факторий и практикой нанесения деловых иероглифических текстов на деревянные таблички, реконструируемой для XIII в. о н.э. (см. ниже). Неясно, однако, как примирить постулируемое сходство в административном делопроизводстве и реальное отсутствие такового в глиптике, если учесть, что печати XIII в. до н.э. отражали явный прогресс в развитии иероглифической системы письма, стадии которого можно проследить поэтапно. При необходимости выбирать между прямыми свидетельствами глиптики и двойной реконструкцией типологии административных документов опора на первый тип источников, безус-

² О предшествующей оценке знаков на «каппадокийской» глиптике см.: [Börker-Kahn, 1995]. К сожалению, заключение автора о том, что «лувийская иероглифическая система письма была создана в период [ассирийских] колонистов», не может быть подтверждено отдельными изолированными пиктограммами периода ассирийских факторий, рассмотренными ею в статье.

³ Попытка С. Алпа [Alp, 1968, p. 281–301] интерпретировать пиктографические элементы штамповых печатей из Коньи-Карахуюк (они, по-видимому, восходят к концу периода ассирийских факторий) как раннюю форму письма может считаться безуспешной. См. критику у [Boehmer, Güterbock, 1987, S. 36–40].

ловно, является более надежной. Поэтому вопрос о характере документов *işurtum* остается за рамками настоящего исследования⁴.

Стадия 2 характеризует новую ситуацию в период Древнего царства (XVII–XV вв. до н.э.), когда вновь вошедшие в моду плоские печати начали стабильно содержать в своей средней части небольшую группу хорошо узнаваемых благоприятных знаков-оберегов (периферия обычно была занята клинописными надписями)⁵. Наиболее частыми из них были VITA (*369) – знак, напоминающий египетский «анх», и BONUS (*370) – знак неизвестного происхождения, указывающий на изобилие [Hawkins, 2003, p. 166]. В некоторых случаях в данный период могли использоваться и дополнительные знаки. Так, булла Испутасу, князя Киццувадны, содержат знаки TONITRUS и REX, которые предположительно свидетельствуют о том, что Испутасу воспринимал себя как князя, правящего по милости бога грома⁶. Поскольку печати Испутасу часто упоминаются в связи с эволюцией иероглифического письма, важно отметить отсутствие иероглифических печатей, принадлежавших другим правителям Киццувадны. Кроме того, данный объект может отражать хеттское культурное влияние на Киццувадну, ведь само имя Испутасу, по-видимому, имеет хеттское происхождение⁷.

Стадия 3, относящаяся к периоду раннего Нового царства (начало XIV в. до н.э.), может рассматриваться в качестве рудиментарной письменной системы, включавшей фонетические (силлабические) знаки в дополнение к логограммам. Начиная с Тудхалии I, цари Хаттусы использовали диграфные печати, содержавшие их имена и титулы, заполненные в центре анатолийскими иероглифами, а по периферии клинописной передачей тех же имен и титулов⁸. Так, имя *Sata(n)duhepa*, принадлежащее жене Тудхалии II, было записано как *sá(-)tâ-tu-ha-pa* и помещено вслед за ее титулом MAGNUS.DOMINA на двух оттисках царской печати, найденных в Машате [Mora, 1987, № 8.4.1 a–b]. Короткие тексты, подобные этому, не дают прямых указаний, должны ли соответствующие печати рассматриваться как двуязычные, или они просто использовали две письменные системы (ср.: [Hawkins, 2003, p. 140]). К этому следует добавить группу печатей, принадлежавших высокопоставленным чиновникам, которые, похоже, можно отнести к доимперскому периоду по своему стилю (см. их подборку в [Boehmer, Güterbock, 1987, p. 43–46]).

⁴ В принципе, нельзя исключить, что документы *işurtum* использовали систему бухгалтерского учета, генетически родственную более поздним анатолийским иероглифам, но ограниченную цифрами и логограммами для различных товаров. Подобная система, разумеется, могла развиваться независимо от символов, актуальных для печатей, и слиться с ними в одну систему письма уже в более поздний период. Однако также нельзя исключить, что таблички *işurtum* использовали инвентарь знаков, генетически не имеющий ничего общего с позднейшими анатолийскими иероглифами. В качестве типологической параллели здесь можно упомянуть пражамское и линейное эламское письмо, каждое из которых представляло собой самобытную систему, существовавшую краткий промежуток времени, а затем исчезнувшую.

⁵ Набор иероглифических символов, встречающихся в печатях Древнего царства Хаттусы см.: [Mora, 1991]. Автор заключает: «По нашему мнению, нельзя говорить о начальном этапе анатолийской иероглифической письменности (имея в виду систему письма, использовавшуюся с начала имперского периода) в XVIII–XVII вв.» [ibid., p. 22]. В то же время она признает, что пиктограммы данного периода использовались для передачи семиотических сообщений, так что они являлись настоящими знаками [ibid., p. 20].

⁶ Описание этой печати см.: [Mora, 1987, № 8.1.1]. Ср.: [Carruba, 1974, p. 88–90], где представлена неубедительная попытка фонетически прочесть TONITRUS.REX как Тарухсу, прозвище Испутасу. Согласно работе [Houwink ten Cate, 1992, p. 250], этот набор знаков может читаться как *Tarhuntassa*, несмотря на отсутствие детерминатива REGIO на печати Испутасу и упоминаний Тархунтассы в письменных источниках, предшествующих царствованию Муватталли II.

⁷ По-видимому, имя Испутасу изначально произносилось как /spudahsu/. Реконструкция консонантного кластера в начале слова, которая препятствует его лувийскому происхождению, подтверждается вариантом *šuru-da-ah-šu* в аккадском тексте из Канеша/Несы периода ассирийских факторий (Kt o/k 53.3). Об упрощении кластеров sC- в лувийском см. [Melchert, 1994, p. 271].

⁸ Иероглифические записи имен новохеттских правителей собраны, например, в работе [Boehmer, Güterbock, 1987, S. 80]. Об иероглифической передаче имени Тудхалии I см.: [Otten, 2000].

В отличие от царских печатей, образцы из данной группы содержат иероглифические знаки без клинописных эквивалентов⁹.

Тем не менее Стадия 3 анатолийского иероглифического письма не создает впечатление развитой системы, подходящей для записи сложных посланий. Передача царских имен или имен высокопоставленных чиновников может быть описана как ребусное письмо, намекающее на фонетическую форму имен, а не передающее их в соответствии со стандартной конвенцией. Так, написание имени Тудхалии в форме MONS.TU состоит из изображения священной горы Тудхалия и фонетического индикатора, намекающего на первый слог имени. В отличие от этого, написание имени Суппилулиумы в виде PURUS.FONS.MA_x содержит логографическую запись топонима *Suppiluli* (букв. ‘чистый источник’), дополненную фонетическим индикатором MA_x, намекающим на последний слог царского имени (ср. [Güterbock, 1998, p. 203]). Представляется, что писцы stalkивались с заданием изобрести новый ребус каждый раз, когда им приходилось иметь дело с новым царским именем. Самый простой способ объяснить данную дистрибуцию – это принять, что конвенции силлабического иероглифического письма еще не развились в полной мере в Анатолии XIV в. до н.э.

Главная инновация Стадии 4 заключается в установлении прочной ассоциации между анатолийским иероглифическим письмом и лувийским языком в XIII в. до н. э. Самые ранние иероглифические надписи, содержащие лувийские формы в фонетической передаче, – это FIRAKTIN и ALEPPO 1 (ср.: [Hawkins 2000, vol. I, p. 19a])¹⁰. Первая надпись состоит из подписей, сопровождающих рельеф царя Хаттусили III и царицы Пудухебы, в то время как во второй упоминается Талми-Саррума, царь Алеппо, который, подобно Хаттусили III, был внуком Суппилулиумы I. Во второй половине того же века появляются большие монументальные надписи, написанные на лувийском, такие как YALBURT, и алтари EMIRGAZI (предварительные издания см. в работе [Hawkins, 1995]). Связь между лувийским языком и иероглифическим письмом была твердо установлена к концу имперского периода, когда развитие письма достигло стадии, сделавшей его пригодным для передачи пространственных нарративов.

Из данного обзора выявляется постепенный характер развития пиктограмм в полноценную систему письма. Это, конечно, не означает, что иероглифический шрифт развивался в Центральной Анатолии в изоляции. Отдельные анатолийские пиктограммы, как уже упоминалось выше, имеют вероятные параллели в Месопотамии и Египте, и логично предположить, что использование месопотамской клинописи хеттами облегчило создание иероглифических силлабограмм. Но ни одна из описанных стадий не характеризуется радикальными инновациями, которые требовали бы предположить заимствование зарубежной системы. Поэтому развитие анатолийского письма в центральной части Анатолии, где было найдено большинство ранних его образцов, является наиболее экономной гипотезой. Учитывая этот вывод, можно приступить к анализу внутренних свидетельств.

Хорошо известно, что во многих ранних фонетических системах письма значения символов были установлены по принципу акрофонической деривации. Так, в раннем ханаанейском алфавите знак выглядит как дом, тем самым отражая тот факт, что ха-

⁹ Р. М. Бемер и Х. Г. Гютербок [Boehmer, Güterbock 1987, p. 39, № 35c] опубликовали печать, содержащую иероглифическую комбинацию *HATTI+li* (=Хаттусили), которую они отнесли по стилистическим признакам к периоду Древнего царства. Эта печать была найдена во вторичном слое, в стене фригийского укрепления Хаттусы. Согласно личному сообщению А. Мюллер-Карпе (Марбург), печати подобного стиля обнаружены также и в надежно датированных слоях XIV в. до н.э., поэтому датировку Р. М. Бемера и Х. Г. Гютербока следует считать устаревшей.

¹⁰ Последнюю публикацию рельефа FIRAKTIN и сопроводительной надписи см. в работе [Ehnringhaus, 2005, p. 59–65].

наанейское слово для дома, **bayl*, начинается с [b], знак <k> выглядит как кисть руки, поскольку слово **kapp* ‘рука/ладонь’ начинается с [k], и т.д. [Hackett, 2004, p. 367]. Если в основе фонетизации анатолийских иероглифических знаков на Стадиях 3–4 лежит аналогичный принцип, то разумно предположить, что силлабограммам приписывались значения на базе языков, которые воспринимались изобретателями письма как родные. Если в данном процессе играли роль и хеттский, и лувийский, то оба языка были распространены в сообществе, где создавалось письмо.

Обсуждение эмпирических данных, которые могут быть предложены в пользу сценария двуязычия, составляет основную задачу данной статьи. Я постараюсь представить систематический обзор иероглифических силлабограмм с достоверными или правдоподобными «этимологиями». Предлагаемый ниже анализ включает списки акрофонически обоснованных фонетических значений, которые собраны в работах: [Neumann, 1992, p. 39; Hawkins, 2003, p. 162]¹¹.

Табл. 1 содержит шесть фонетических знаков, которые фиксируются начиная со 2-го тыс. до н. э. и для которых может предполагаться акрофоническая деривация, основанная на звуковых формах хеттских (но не лувийских) лексем. Только первые четыре примера должны рассматриваться как доказательные, в то время как остальные знаки могут теоретически выводиться из неизвестных лувийских лексем (лувийские когнаты хетт. *pattar* ‘корзина’ и *sasa* ‘газель’ до сих пор неизвестны).

Т а б л и ц а 1

Анатолийские иероглифы железного века, производные от хеттского

*41		CAPERE	<tà> (/da/)	хетт. <i>da-</i> vs. лув. <i>la(la)-</i> ‘брать’ ¹²
*391		4	<mi>	хетт. <i>miwa-</i> vs. лув. <i>mawa-</i> ‘четыре’ ¹³
*90		PES	<ti>	хетт. <i>tiya-</i> ‘идти, ступить’ ¹⁴ (ср. лув. <i>ta-</i> ‘стоять, ступить’)
*56		INFRA	<ká>	хетт. <i>katta</i> vs. лув. <i>zanta</i> ‘вниз’ ¹⁵
*334		(отсутствует)	<pa>	хетт. <i>pattar</i> ‘корзина’
*104		(отсутствует)	<sà>	хетт. <i>šaša-</i> ‘газель’ (Payne 2008: 120)

¹¹ Я исключил из настоящего анализа несколько знаков, упомянутых в работе [Neumann 1992], поскольку предложенный способ их огласовки представляется мне слишком гипотетичным.

¹² Ср.: [Morgurgo-Davies, 1987, p. 211–212, n. 17]: «Мы с Хокинсом уже обращали внимание на то, что было бы возможно читать все *ta-*формы как логографические, предполагая, что знак *41 должен читаться как CAPERE, а не <tà>-. Если бы это было так, то нормальное прочтение корня было бы *la-* (как в случае клинописного лувийского). Возражение здесь заключается в том, что для знака *41, “принимающая рука”, силлабическое значение <tà> определено совершенно точно – и сложно понять происхождение этого значения, если бы глагол был не *ta-*, а *la-*. Конечно, остается возможность того, что ранний глагол *ta-*, существовавший во время создания силлабического письма, был затем смешан с *la-* в результате фонетического изменения или лексического замещения».

¹³ Стоит, однако, отметить, что тот же самый знак мог использоваться во 2-м тыс. до н. э. как фонетический индикатор *MA*_x, сопровождающий логограмму (ср.: [Güterbock, 1998, p. 203]). Относительно возможности употребления *391 в значении <ma/i> в определенных писцовых традициях имперского периода см.: [Oreshko 2013, p. 352, 364].

¹⁴ Ср.: [Hawkins, 2003, p. 162]: «Отношение других силлабических значений к соответствующим логограммам может быть необъяснимо, в особенности PES ‘нога’, силлабическое *ti*».

¹⁵ П. Худехебуре [Goedeghebuure, 2010] представляет убедительные аргументы в пользу функциональной идентичности лув. *zanta*, записываемого фонетически в клинописных текстах, и хеттского преверба *katta* ‘вниз’. Как предполагается, эти превербы являются когнатами и восходят к индохетт. **k’mtō*. Поскольку аффрикатизация индохетт. **k*’ является общелувической особенностью, иероглифическое INFRA-*ta* должно так же читаться как /zanda/, а не /katta/.

В семи случаях значения синлабограмм бронзового века могут быть акрофонически выведены из лувийских (но не из хеттских) лексем. Степень доказательности примеров, приведенных в табл. 2 (ниже), также не является одинаковой. Только первые четыре случая могут рассматриваться как убедительные, в то время как знаки из остальной части таблицы могут объясняться на основе лувийского лишь с учетом определенных допущений. Дериация *376 зависит от реконструкции его логографического значения HIC 'этот', которое правдоподобно, но не обладает абсолютной достоверностью. В случае *389 контраст между хетт. *teri-* и лув. *tarr(a/i)-* 'три' сомнителен из-за отсутствия отдельного иероглифического символа со значением <teri>. Наконец, поскольку хеттское слово для числа 'девять' неизвестно, остается возможность того, что оно выглядело как *niwa-*, как и в лувийском, что оставляет возможность для акрофонической дериации *395 на основе хеттского языка.

Т а б л и ц а 2

Анатолийские иероглифы бронзового века, производные от лувийского

*13		PRAE (тж. ср. *14)	<pari>	хетт. <i>peran</i> vs. лув. <i>parri</i> 'перед'
*320		BONUS	<wà/i>	хетт. <i>aššu</i> vs. лув. <i>wāsu-</i> 'хороший'
*327		SIGILLUM	<sa5>	хетт. <i>šiyatar</i> vs. лув. <i>sasanza</i> 'печать'
*389		3(+ra/i)	<tara/i>	хетт. <i>teri-</i> vs. лув. <i>tarr(i)-</i> 'три'
*70		SUPER	<sari>	хетт. <i>šer</i> vs. лув. <i>sarri</i> 'над' ¹⁶
*376		HIC(?)	<za>	хетт. <i>ka-</i> vs. лув. <i>za-</i> 'этот'
*395		9	<nú>	лув. <i>niwinza</i> 'девять/девятый'

Наконец, группа примеров, резюмируемая в табл. 3, относится к тем случаям, когда знак может быть выведен как из хеттского, так и из лувийского. Например, и хетт. *pāi-/piya-* 'давать', и лув. *piya-* 'id.' могли мотивировать значение <pi> для *66, графически – протянутая рука¹⁷. На самом деле нет необходимости выбирать между этими двумя возможностями, поскольку лица, ответственные за введение новых синлабограмм, могли владеть как хеттским, так и лувийским.

¹⁶ *270 = SUPER используется со значением <sari> в иероглифической транслитерации Сарри-Тешуба, хурритского имени Муватталли II. Стоит, однако, отметить, что на печатях хеттских официальных лиц имперского периода в качестве эквивалента *sar(r)i-* используется SUPER+*ra/i* [Herbordt, 2005, p. 175–177], что свидетельствует об ином фонетическом значении *270 = <sar>. Для уточнения требуются дополнительные примеры синлабографического использования *270.

¹⁷ Безусловно, следует различать этимологию данной лексемы и ее наличие в определенном языке. Например, хотя название Хаттусы является неиндоевропейским по происхождению, все же оно было привычным для хеттов и лувийцев, живших в этом городе.

Т а б л и ц а 3

Анатолийские иероглифы бронзового века неясного происхождения

*362		DARE	<pi>	хетт. <i>pāi-/piya-</i> vs. лув. <i>piya-</i> ‘давать’
*175		LINGUA	<la>	хетт. <i>lala-</i> vs. лув. <i>lal(i)-</i> ‘язык’
*100		ASINUS	<ta>	хетт. <i>targašna-</i> / лув. <i>targasna-</i> ‘осел’
*160		VITIS	<wi>	хетт. <i>wiyan(a)-</i> ‘вино’ vs. лув. <i>wiyani-</i> ‘лоза’
*329		REL	<kwa/i>	хетт. <i>kui-</i> vs. лув. <i>kui-/kua-</i> ‘который’
*508		CURRERE	<hwa/i>	хетт. <i>huwāi-/hu(i)ya-</i> vs. лув. <i>hui(ya)-</i> ‘бежать’
*105		BOS	<u>/<mu>	(звук мычания)? ¹⁸

Полезно сопоставить материалы, собранные в табл. 1–3, с группой знаков, получивших силлабографические значения только в 1-м тыс. до н. э. В этот поздний период хеттский язык, вероятно, уже исчез и почти точно не был разговорным в эпиграфическом сообществе, ответственном за создание лувийских иероглифических текстов. Поэтому не следует ожидать, чтобы хеттская акрофония могла играть какую-либо роль в деривации новых силлабограмм в данный период. И действительно, все фонетические значения, перечисленные в табл. 4, могут быть объяснены через анализ лувийских лексем. Единственный потенциально проблематичный случай – это *347 = <hù>, для которого Г. Нойманн [Neumann, 1992] предполагает акрофоническую деривацию, отталкиваясь от хетт. *huppar* ‘горшок, чаша, бочонок’. Тем не менее, если лув. *huppart(i)-* ‘тазобедренная кость’ действительно выводится из того же корня, как полагает Х. К. Мелчерт [Melchert, 2003, p. 196], вполне правдоподобно, что базовое имя со значением ‘чаша’ также существовало и в лувийском, но просто осталось незафиксированным в доступных нам текстах.

Из приведенного выше анализа следует, что хотя развитие анатолийского иероглифического письма было тесно связано с историей лувийского языка, его самая ранняя стадия также имеет следы хеттского влияния. Обозначение «лувийские иероглифы» может являться относительно более точным, чем более раннее «хеттские иероглифы», но оба названия предполагают ассоциацию лишь одного языка с системой письма, которая на самом деле выступает совместным детищем носителей хеттского и лувийского языков¹⁹. Именно поэтому оба наименования должны быть отвергнуты в пользу нейтрального обозначения «анатолийские иероглифы».

¹⁸ Самое раннее фонетическое значение варианта знака BOS, который выглядит как тело быка и часто транскрибируется как BOS₂ (*106), – это <mu(wa)>. См., например, архаические печати [Boehmer, Güterbock, 1987, № 117] и [Herbordt, 2005, № 259]. О частом использовании знака BOS со значением <mu> в анатолийской глиптике имперского периода см. [Hawkins, 2005, 428b]. Хотя развитый иероглифический шрифт позволяет различить *105/106 <u> и *107 <mu> = <u + mi>, это следует считать результатом вторичной дифференциации. Следует отметить, что Хокинс, принимая в целом мой сценарий происхождения анатолийских иероглифов, тем не менее, продолжает возражать против предлагаемой мной этимологии *105, настаивая на акронимической деривации <u> из лув. *uwa(wi)-* ‘бык’ [Hawkins, 2013, p. 7]. С моей точки зрения, лувийским рефлексом и.-е. *g^wou- ‘бык’ может быть лишь **waw(i)-*, но никак не ***uwa(wi)-*.

¹⁹ Для полноты следует также упомянуть, что анатолийские иероглифы использовались для записи хурритских божественных имен на рельефах YAZILIKAYA [Hawkins, 2003, p. 141] и фиксации урартских мер веса на пифосах из ALTINTEPE [Hawkins, 2000, vol. II, p. 588–589]. Эти исключительные случаи, однако, не повлияли на развитие иероглифической системы письма в целом.

Т а б л и ц а 4

Анатолийские иероглифы железного века, выведенные из лувийского

*103		CERVUS	<gú>	лув. <i>Runtiya-</i> ‘бог-защитник’ (в образе оленя)
*313		VIR	<zi>	лув. <i>zid(i)-</i> ‘мужчина’
*82		CRUS	<ta6>	лув. <i>ta-</i> ‘стоять, ступать’
*362		DEUS	<má>	лув. <i>massan(i)-</i> ‘бог’
*332		NEG	<ná>	лув. <i>na</i> ‘нет’
*326		SCRIBA	<tù>	лув. <i>SCRIBA-la-</i> = <i>*tupala</i> ‘писец’
*196		<i>HATTI</i>	<há>	хетт./лув. <i>Hattusa</i>
*347		(отсутствует)	<hú>	лув. <i>*huppar(a)-</i> ‘чаша’

Социолингвистическая ситуация в Хаттусе ок. 1400 г. до н.э., где большинство населения уже было лувийским, а хеттский пользовался политическим и культурным престижем, делает хеттскую столицу наиболее вероятным местом для фонетизации анатолийского иероглифического письма. Следовательно, больше нет необходимости спекулировать об Арцаве или Кищувадне как о регионах, где возникли первые анатолийские силлабограммы.

Мы видим, что сочетание внешних и внутренних свидетельств позволяет отвергнуть утверждение Гютербока о том, что анатолийский иероглифический шрифт был создан лувийцами, в лувийских землях и для записи лувийского языка²⁰. Мои ответы на вопросы, поставленные в работе [Güterbock, 1956], отличны от тех, что предложил Х. Г. Гютербок: анатолийский иероглифический шрифт формировался в Хаттусе, в смешанном хеттском и лувийском окружении, для записи анатолийских имен и титулов на долговечных предметах, таких как печати. Это происходило в то время, когда уже более 200 лет в хеттской столице использовалась клинопись месопотамского происхождения. Но что же сподвигло хеттских правителей и высокопоставленных чиновников ввести новую систему письма?

Я считаю, что данное решение было продиктовано преимущественно соображениями культурной самоидентификации. Царские печати периода из Хаттусы Древнего царства, так называемые печати Табарны, использовали аккадский язык. Даже в более поздний период клинописная периферия царских печатей могла в принципе читаться как по-аккадски, так и по-хеттски или по-лувийски, поскольку она состояла из личных имен и шумерографических выражений. Конечно, для указания на анатолийский язык печати можно было бы записать фонетически имена нарицательные в составе титулов, такие как ‘сын’ или ‘царь’, но это сделало бы надписи значительно более длинными и к тому же противоречило бы общей практике написания данных лексем как шумерограмм в хеттских текстах. Радикальная альтернатива заключалась в изобретении новой системы письма, которая отличалась бы от использовавшейся в Месопотамии. Выбор данного решения мог быть обусловлен существованием рудиментарной знаковой системы, употреблявшейся уже на печатях Древнего царства.

²⁰ Сомнения по поводу обоснованности заключения Гютербока были независимо высказаны в работе [Raupé, 2008], хотя и в более осторожной форме.

Данное развитие может быть сопоставлено с другим процессом, а именно с переходом от аккадского к хеттскому в качестве главного письменного языка в Хаттусе, который также осуществлялся шаг за шагом. В нашем случае мы имеем дело не с переходом к национальному языку, что было бы сложно осуществить в небольших стереотипных текстах, а с переходом к региональному письму. Но различие между этими двумя реформами имело и социолингвистическое измерение. Клинописные таблички писались и читались профессиональными писцами, которым не составляло труда различить аккадский и хеттский. Введение нового письменного языка должно было явиться для данной группы достаточным способом культурного самовыражения. В то же время печати могли принадлежать разнообразным официальным лицам, не все из которых обязательно были грамотными. Изменение набора иностранных символов мало что дало бы для повышения их чувства этнической идентичности. Введение набора новых символов, чьи пиктографические формы легко узнавались даже неграмотными, было, очевидно, лучшей стратегией.

Таким образом, вопрос о базовом языке первых иероглифических текстов является несколько искусственным. Можно предположить, что это мог быть как хеттский, так и лувийский, в зависимости от индивидуальных предпочтений читателя. Как уместно отмечает Дж. Д. Хокинс [Hawkins, 2003, p. 140], даже если имена и титулы, написанные на печатях, могут быть отнесены к языку, это тексты все же не *на* языке. Не существует лингвистического способа показать, что их языком являлся хеттский или лувийский. Фактически, это означает, что определенные группы населения могли приписывать им языковую атрибуцию, отличную от изначальной. Хотя дворцовые эрудиты, вероятно, ожидали, что иероглифические титулы должны читаться по-хеттски, те же самые титулы могли получить лувийскую интерпретацию среди простого народа Хаттусы. Данная интерпретация была в особенности вероятна, если учесть, что многие имена местных высокопоставленных чиновников имели, в конечном счете, лувийское происхождение²¹.

Степень использования нового письма частными лицами в Хаттусе и ее окрестностях зависит от нерешенной проблемы деревянных воощенных дощечек, которые были довольно популярны в Анатолии периода позднего бронзового века [Symington, 1991] и, согласно мнению большинства исследователей, использовались для письма анатолийскими иероглифами²². Хотя шансы найти хеттские деревянные дощечки с сохранными следами знаков довольно малы, открытие частных писем и деловых соглашений конца бронзового века, записанных на других носителях, например, на свинцовых табличках, может постепенно решить эту проблему.

В ожидании археологического подтверждения последующие соображения должны рассматриваться как спекулятивные. Однако если анатолийские иероглифы действительно использовались для частных документов, это было подходящим контекстом для формирования их вторичной ассоциации с лувийским языком. Если носители лувийского языка, составлявшие основную часть центральноанатолийского населения, освоили иероглифическое письмо (возможно, соблазнившись его иконичностью), у них не было

²¹ Один из аргументов в пользу широко распространенной передачи первых иероглифических надписей как лувийских – это трехчастная оппозиция <Ca>/<Ci>/<Cu> в рамках системы иероглифических знаков, соответствующая лувийской системе из трех гласных, в противоположность хеттской системе из пяти гласных.

²² Гипотеза [Marazzi, 1994], согласно которой анатолийские деревянные таблички всегда использовались для клинописи, представляется устаревшей. Вопрос о том, использовались ли они исключительно для письма анатолийскими иероглифами, как это, в частности, предполагается в статье [Waal, 2011], или на них также писали клинописью, продолжает оставаться дискуссионным [Александров, 2013, с. 104–108]. Упоминание деревянных дощечек из Киццувадны с хурритскими ритуалами [Miller, 2004, p. 513, n. 941, 944] склоняет меня ко второй точке зрения. Однако иероглифические изображения легче наносить на воск, чем на глину, так что деревянные дощечки, изначально создававшиеся для записи клинописью, могли вторично способствовать распространению новой системы письма.

причин использовать его для записи хеттского языка. Первые частные документы могли представлять собой стандартные деловые документы, в которых использование слоговых знаков ограничено именами собственными, как и в случае с хеттскими печатями. Свинцовые таблички железного века из KULULU [Hawkins 2000, vol. II, p. 506–511] дают хороший пример того, как могли выглядеть подобные документы. Когда постепенно возникли фонетические комплементы и полные фонетические написания, они уже отражали лувийский язык, использовавшийся для диктовки соответствующих документов.

Создание полноценного фонетического письма могло, в свою очередь, положить начало новым жанрам иероглифических текстов, таким как надписи собственников или частные письма. У нас нет примеров лувийских писем имперского периода, но их вид не должен был сильно отличаться от писем железного века, найденных в Ашшуре [Hawkins, 2000, vol. II, p. 534–537]. Постепенно лувийский язык, ассоциировавшийся с иероглифическим письмом, мог стать предпочтительным средством письменной коммуникации за пределами дворцовой сферы. Это объяснило бы, почему последние хеттские правители стали использовать лувийский в качестве языка своих монументальных надписей. Реальный выбор относился к анатолийским иероглифам, которые считались пригодным средством этнического самовыражения, в то время как лувийский язык механически распространился по ассоциации²³. Вероятно, иероглифическим писцам было легче создать монументальные надписи, используя привычные лингвистические конвенции, а правители не имели причин настаивать на употреблении хеттского. Можно отметить, что широкое применение неадаптированных лувийских заимствований в текстах, приписываемых царям Хаттусы XIII в., предполагает, что эти цари, в отличие от своих предшественников, не избегали переключения кодов даже в своем собственном публичном дискурсе.

Расширение сферы употребления иероглифического письма в конце имперского периода позволяет на независимых основаниях объяснить, почему оно сохранилось в период темных веков, который последовал за распадом империи Хаттусы в XII в. до н.э. В данный период произошел отказ от клинописи в Центральной Анатолии, поскольку система письма, использовавшаяся преимущественно для административных целей, не могла сохраниться без государственной поддержки. С другой стороны, политическая неопределенность должна была снизить спрос и на монументальные иероглифические надписи, о чем свидетельствует их относительно малое число, дошедшее до нас от последних двух веков 2-го тыс. до н.э. (ср.: [Hawkins, 2000, vol. I, p. 19]). Явное возрождение иероглифического письма в начале 1-го тыс. до н.э. легче всего объяснить, исходя из предположения, что писцовая традиция сохранялась в переходный период, отвечая запросам частных лиц.

Необходимо повторить, что обращение лувийских иероглифических текстов в частной сфере в XIII в. до н.э. является не более чем гипотезой. Чаша ANKARA (если она действительно восходит к XIII в. до н.э.) является единственным иероглифическим текстом данного периода, который не имеет отношения к официальной сфере. Напротив, хаттусское происхождение анатолийских иероглифов следует из доступных археологических материалов и подтверждается внутренним анализом письма. Таким образом, как бы ни рассматривать эволюцию иероглифического письма в имперский период, нет при-

²³ Данное объяснение отличается от гипотезы Т. Ван ден Хаута [Van den Hout, 2006, p. 235], согласно которой выбор лувийского в качестве языка монументальных надписей напрямую отражал «мнимую солидарность» царей Хаттусы с населением империи. Если даже стремление угодить простому народу было одним из факторов, повлиявших на это решение, выбор иероглифического письма был более эффективен для достижения данной цели. Неграмотные жители Хаттусы едва ли могли определить язык надписи, зато каждый мог видеть разницу между иероглифами и клинописью.

чин считать, что элиты Хаттусы заимствовали его из какого-либо другого региона в период раннего Нового царства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aлександров Б. Е. Хеттские «писцы» в свете новых исследований. *Вестник РГГУ*. 2013. № 17. С. 102–127 [Hittite Scribes in the Light of Recent Research. *Vestnik RGGU*. 2013. No. 17. Pp. 102–127 (in Russian)].
- Alp, S. *Zylinder- und Stempelsiegel aus Karahöyük bei Konya*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1968
- Boehmer, R. M., Güterbock, H. G. *Glyptik aus dem Stadtgebiet von Boğazköy*. Berlin: Mann, 1987.
- Börker-Kähn, J. Archäologische Anmerkungen zum Alter des Bild-Luwischen. *Atti del II Congresso Internazionale di Hittitologia*. Ed. O. Carruba et al. Pavia: Gianni Iuculano, 1995. Pp. 39–55.
- Carruba, O. Tahirwaili von Hatti und die hethitische Geschichte um 1500 v.Chr.G. *Anatolian Studies Presented to Hans Gustav Güterbock on the Occasion of his 65th Birthday*. Ed. K Bittel et al. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut in het Nabije Oosten, 1974. Pp. 73–93.
- Ehringhaus, H. *Götter, Herrscher, Inschriften. Die Felsreliefs der Hethitischen Grossreichzeit in der Türkei*. Mainz: von Zabern, 2005.
- Goedegebuure, P. The Cuneiform Luwian Adverb *zanda* ‘together, down’. *Acts of the VIIth International Congress of Hittitology (Çorum, August 25–31, 2008)*. Ed. A. Süel. Ankara: Anit, 2010. Pp. 299–318.
- Güterbock, H. G. Review of *Die Welt der Hethiter* by Margarete Riemschneider [Stuttgart: G. Kilpper, 1954]. *Orientalistische Literaturzeitung*. 1956. No. 51. Pp. 512–522.
- Güterbock, H. G. Notes on Some Luwian Hieroglyphs. *Mir Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins*. Ed. J. Jasanoff et al. Innsbruck: Institut der Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998. Pp. 201–204.
- Hackett, A. Phoenician and Punic. *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Ed. R. Woodard. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 365–385.
- Hawkins, J. D. Writing in Anatolia: Imported and Indigenous Systems. *World Archaeology*. 1956. No. 17/3. Pp. 363–374.
- Hawkins, J. D. *The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattusa (SÜDBURG)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- Hawkins, J. D. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions*. Vol. I. Part I, II: *Texts*; Part III: *Plates*. Berlin–New York: W. de Gruyter, 2000.
- Hawkins, J. D. “Scripts and Texts”. *The Luwians*. Ed. H. C. Melchert. Leiden: Brill, 2003. Pp. 128–169.
- Hawkins, J. D. Commentaries on the Readings. *Herbordt* 2005. Pp. 248–313.
- Hawkins, J. D. Review of *Sociolinguistics of the Luvian Language* by Ilya Yakubovich [Leiden, Brill, 2010]. *Kadmos*. 2013. No. 52/1. Pp. 1–18.
- Herbordt, S. *Die Prinzen- und Beamtensiegel der hethitischen Grossreichszeit auf Tonbullien aus dem Nişantepe-Archiv in Hattusa*. Mainz: von Zabern, 2005.
- Houwink ten Cate, Ph. H. J. The Bronze Tablet of Tudhaliyas IV and its Geographical and Historical Relations. *Zeitschrift für Assyriologie*, 1992. No. 82. Pp. 233–270.
- Marazzi, M. Ma gli ititi scrivevano veramente su “legno”? *Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi*. Ed. P. Cipriano et al. Rome: Calamo, 1994. Pp. 131–160.
- Melchert, H. C. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam–Atlanta: Rodopi, 1994.
- Melchert, H. C. Language. *The Luwians*. Ed. H. C. Melchert. Leiden: Brill, 2003. Pp. 170–210.
- Miller, J. *Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.
- Mora, C. *La glittica anatolica del II millennio A.C.: Classificazione tipologica*. Pavia: Gianni Iuculano, 1987.
- Mora, C. Sull’origine della scrittura geroglifica anatolica. *Kadmos*. 1990. No. 30. Pp. 1–28.
- Morpurgo-Davies, A. “To put” and “to stand” in the Luwian Languages. *Studies in Memory of Warren Cowgill (1929–1985)*. Ed. C. Watkins. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1987. Pp. 205–228.
- Mouton, A. Glyptique cappadocienne et hieroglyphes anatoliens. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*. 2002. No. 44/1. Pp. 83–113.

Neumann, G. System und Aufbau der hethitischen Hieroglyphenschrift. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philologisch-historische Klasse*. 1992. No. 1992/4. Pp. 25–48.

Oreshko, R. Hieroglyphic inscriptions of Western Anatolia: Long arm of the Empire or vernacular traditions? *Luwian Identities: Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean*. Ed. A. Mouton et al. Leiden: Brill, 2013. Pp. 343–420.

Otten, H. Ein Siegelabdruck Duthalijaš I. *Archäologischer Anzeiger*. 2000. Pp. 375–376.

Payne, A. Writing Systems and Identity. *Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks, and Their Neighbors in Ancient Anatolia*. Ed. B. J. Collins et al. Oxford: Oxbow, 2008. Pp. 117–122.

Symington, D. Late Bronze Age Writing Boards and Their Uses: Textual Evidence from Anatolia and Syria. *Anatolian Studies*. 1991. No. 41. Pp. 111–123.

Van den Hout, Th. Institutions, Vernaculars, Publics: the Case of Second-Millennium Anatolia. *Margins of Writing, Origins of Cultures*. Ed. S. Sanders. Chicago: Oriental Institute, 2006. Pp. 217–256.

Waal, W. They wrote on wood. The case for a hieroglyphic scribal tradition on wooden writing boards in Hittite Anatolia. *Anatolian Studies*. 2011. No. 61. Pp. 21–34.

Waal, W. Writing in Anatolia: The Origins of the Anatolian Hieroglyphs and the Introductions of the Cuneiform Script. *Altorientalische Forschungen*. 2012. No. 39. Pp. 287–315.

Weeden, M. *Hittite Logograms and Hittite Scholarship*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

Yakubovich, Ilya. Hittite-Luvian Bilingualism and the Origin of Anatolian Hieroglyphs. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2008. No. 4/1. Pp. 9–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

<p>ЯКУБОВИЧ Илья Сергеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.</p>	<p>Ilya S. YAKUBOVICH – Dr.Sc. (Linguistics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.</p>
--	--